

ВЫ, Я И ЯН ЧЕЧОТ

Жители Новогрудка уверены, что Адам Мицкевич, их земляк, — великий поэт с мировым именем. Алфавитная вроде бы истина, привитая школой и средствами информации. Но стоит новогрудцам задать конкретный вопрос о творчестве А. Мицкевича, и вразумительный ответ дадут единицы. Не идут, насколько мне известно, к гению Мицкевичу люди за ответом на вопросы жизни, не ищут удовольствия в чтении его книг, потому, что большинству он заведомо... неинтересен. Что же происходит? Не читая Мицкевича, наш современник предполагает, что поэт архаичен, что писал он о далеком и давнем, а не о том, что волнует и что актуально сейчас. И, не читая же, признает Мицкевича гением. Таков итог усилий литературоведов — интерпретаторов, пропагандистов. Подобное парадоксальное (не читал, но — гений), отношение массового сегодняшнего читателя и к Янке Купале, «народному песняру, писавшему о бедах белорусского крестьянства», к совсем недавно ушедшим, и даже к некоторым живым «нечитанным классикам».

Если разобраться, то уже не только стереотипы литературоведения требуют обновления и переоценки, но и сама его методология — мертвая, давно не способная родить почву.

Так я рассуждал, беря в руки недавно вышедшую книгу Яна Чечота «Наваградскі замак».

Интересно ли будет знакомство с Яном Чечотом? Слишком уж неприятно и далеко от жизни расхожее представление о нем. Поэтому и новое издание может быть полезным, нужным и т. п., но главное — интересен ли в нем Чечот, жив ли?

Книга сразу понравилась оформлением. Приятно удивило, что написано «Наваградскі» — по-белорусски, а не «Навагрудок» (официальный полонизированный вариант). Перелистав страницы, я убедился, что работа составителя и переводчика К. Цвирки была кропотливой и нелегкой. В книге несколько разделов. В первый «Вершы, песні, віншаванні» — вошли произведения Чечота, написанные по-белорусски. Остальные разделы — перевод с польского — стихи, баллады, публицистические статьи, письма.

В предисловии сказано: «В самых разных изданиях печатались произведения поэта. Но отдельным изданием почти что два столетия они не выходили у нас ни разу».

За 200 лет — ни одной книги! И на родине, в Новогрудке, нет даже улицы с его именем. По сей день его к себе «забирают» то литовцы, то поляки. Значит, им

Чечот нужен... А нам?

В своем письме к Чечоту в 1819 году Адам Мицкевич признается: «Что меня... обрадовало — признаюсь тебе по-филоматски — так это твои песни, я вижу в них огромный и быстрый прогресс со времени твоего вступления на писательский путь. Легкость, да при том огонь,.. превзошли даже те надежды, которые я возложил на тебя. Прочь с дороги, Заны, прочь, Адамы! Не ленись, пожалуйста! Ты пишешь все лучше...»

Значит, молодой Мицкевич считает, что талант Чечота не меньше его собственного?.. А разве слова Мицкевича не могут быть ошибочными? Да и старая дружба могла сказаться: вместе учились в доминиканской школе в Новогрудке, поступили в Виленский университет, переписывались. Этаким сентиментальный жест: мол, пиши, Ян, пиши... И неудивительно. С молодых лет Чечот был просто влюблен в Мицкевича. Он его боготворил. И если тот ненароком или забывал о чем-то, или долго не отвечал на письма, то Чечот по-детски обижался: «...Не знаю, убедил ли я тебя в своей дружбе, которая переросла в чистую и искреннюю любовь. Может, ты ее замечал, когда хотел заметить. Я так к тебе привязался, что если бы и ты ко мне чувствовал нечто подобное, была бы из нас необыкновенная пара друзей».

В юности они и были друзьями. Литературоведы, когда говорят о Чечоте, отмечают, в первую очередь, что он был другом Мицкевича.

Молодой Ян очень искренен. Он завидует «белой» завистью тем ровесникам, которые учатся в университете в то время, когда ему самому приходится работать писцом у Радзивилла.

К. Цвирка в предисловии пишет: «Станислав Свирка, сопоставив баллады Яна Чечота с более поздними «Балладами и романсами» Адама Мицкевича, нашел очень много примеров творческого использования фольклорного и жизненного материала, который был в произведениях друга».

Вот так — «творчески использовал». Между прочим, если дать прочитать баллады Чечота новогрудцу, то он на вопрос об авторстве наверняка ответит: «Мицкевич».

Баллада «Наваградскі замак» начинается так:

Есць людзі, якія нічога убачыць
У свеце не ўмеюць душою.
Што воку адчыніцца, так і тлумачаць,
Усё, нават «дзіва» любое.
А іншыя толькі душы сваей зрокам
На свет і глядзяць мігатлівы.
Там бачаць, дзе пуста, дзе усё-уеё пад змрокам
І ўсюды ім мрояцца дзівы.

За композиционными недостатками» (так утверждают польские литературоведы) видится интересное повествование о том, как шведы разрушили замок. Это не просто любопытный исторический материал, а выход на общечеловеческие темы: любовь к Отечеству, к женщине, жертва.

А «Узгогі»?

Гэй, хамы нягодныя! Я вам дазволіў
У лесе маім браць — і то да білету —
Падгнілую леж усяго. І каб болей
Не ссеклі і розгі — запомніце гэта.

И вся баллада о том, как пан издевается над крестьянами. Чечот писал антикрепостнические стихи, которые показывали беззаконие в царской России. Это будет правда. Но однобокая. Потому что Чечот показывал социальные проблемы не в чистом виде, а в совокупности с нравственными.

Польские «шляхетские» поэты тоже писали о трудной жизни простого народа, но получалось, что они смотрят на простой люд как бы со стороны. Возможно, Чечот тоже хотел быть таким, но не мог. Жил-то он иначе, думал по-другому. В филломатском, филаретском обществах, которые ставили целью распространение культуры, образования на родине, свободу народу своему, он, — один из лидеров.

В марте 1819 года в Вильне на именинах Юзефа Ежовского, где собралась наиболее передовая виленская молодежь, «на ура» принимается поэма-поздравление Яна Чечота, написанная на белорусском языке. Вот для примера несколько строк:

Што ж мы ващэці скажам,
Простыя з сяла дзяўчаты?
Якія ж песні звяжам?
У нас мысль небагата.

Почему ж он начал писать по-белорусски, на официально запрещенном «наречии»? Ведь и Мицкевич считает себя «литвином», но пишет по-польски. Мне кажется, что «великий Адам» всё больше становился поляком, воспринимая родную Белоруссию (по тогдашним понятиям и названиям — Литву) как часть Польши. А Чечот наоборот — шел к своему народу и краю, «заземлялся». И отходя от привычных представлений, начинал понимать своё призвание белорусского поэта. Немногие белорусские стихи сохранились. Наивны ли они, как утверждают некоторые исследователи? По-моему, нет. Они интересны, пожалуй, как свидетельство национального самосознания. Ведь писались они о знакомых и для знакомых. Например, стихотворение «На приезд Адама Мицкевича»:

Едзеш, міленькі Адам,
Глядзіце, а онь, а онь,

Ды ён харошанькі сам.
 Пад нём — вараненькі конь.
 Золатам пояс, ззяе,
 Аж ад блеску снег тае.
 На шапцы сіні баран,—
 Хто б падумаў што ён пан!
 Так адзет харашэнька,
 Едзе, едзе барздзенька.

Наверное, в молодости Ян Чечот был счастлив в родном краю. Среди близких людей. Но вот в 1823 году товарищества филوماتов и филаретов были раскрыты царскими властями. Тюрьма, ссылка на Урал. Лишь в 1833 году Чечоту позволят вернуться в Белоруссию, в Лепель.

В тюрьме, создавая свои произведения, он снова обращается к белорусскому языку. Заключение Отан Слизень вспоминал две строчки:

Да лятуць, лятуць, да дзікія гусі,
 Да нас павязуць да далёкае Русі...

Скорее всего, именно во время ссылки определилось отношение Чечота к родине, языку, национальности. «Сейчас оренбургская линия, можно сказать, запружена поляками (так нас называют здесь и за таковых принимают)», — пишет Чечот и тем самым показывает, что он-то себя поляком не считает.

После возвращения в Белоруссию у Чечота одна, за одной выходят книги белорусского фольклора. Если в первых двух сборниках песен помещен перевод с белорусского на польский, то третий сборник «Сялянскіх песень з-пад Нёмана і Дзвіны» включает вместе с белорусскими народными песнями белорусские стихи самого Чечота.

Вот так рассуждает Ян Чечот в предисловии к этой книге: «Поэзия, которую мы называем сегодня простонародной, была когда-то общей для всех наших предков: для панов, князей, словом, общенародной; за одно это она должна была бы пользоваться большим уважением, даже у тех, кто ничего хорошего не хочет видеть во всем, что есть простонародного, крестьянского.

Нашим крестьянам мы обязаны, тем, что они сохранили древние обряды и песни. Им и за это мы обязаны быть благодарны».

Не правда ли актуально?.. В это время Чечот пишет много стихов. Конечно же, по-белорусски. Стихи на польском появляются очень редко. Что волнует поэта? Быт крестьян, взаимоотношения с паном, пьянство бедняков, голод.

Ай ей, які ён добры гаспадар!
 Восень ужо прыйшла, не вораг папар;
 А ён у карчме сядзіць,

Упіўся, на лаўцы спіць...

Это о крестьянах, Как и эти строки:

Нашто нам дым выядае вочкі?

Нашто нам дым марае сарочкі?

Нашто нас дым, дзеткі мілы.

Гоніць з дому да магілы?

Ой, нашто, нашто?

Этнограф-Чечот работает все более активно. В этом он видит свой гражданский долг. И многие народные песни, которые дошли до нас, существуют доньше, может быть, только благодаря Чечоту. А словарь белорусских слов? Его уже в то время поэт составлял для того, чтобы не просто оставить ученым, но и для того, чтобы живой язык не обеднел: читатель найдет в «Этимологическом приложении» к новой книге много интересных слов, которые, кстати, и сейчас бытуют на Новаградчине. Но деятельность Чечота-этнографа нуждается в отдельном разговоре.

...23 августа 1847 года, не дожив до 50 лет, Чечот умер от тяжелой болезни в деревне Ротница. Через несколько лет, узнав о его кончине, Адам Мицкевич из Парижа пишет в Чили Домейке: «...Не знаю, известно ли тебе, что от нас ушел твой прежний знакомый, а мой старый друг (с первого класса) Ян Чечот. День его смерти нам неизвестен. Мы узнали только, что он умер. Примерно в то время, когда он умер, мне все снилось, о нем одно и то же: что он приехал в Париж, а я из-за каких-то препятствий не могу с ним увидеться. Это мучило меня во сне, и я проснулся грустный. Мне долго не хотелось верить известиям о его смерти, которые у нас так трудно проверить. Теперь я знаю точно, что он умер. Долгие годы и многие воспоминания связывали меня с ним. Перед смертью он издал белорусские песни, и они там у нас вызвали большое сочувствие..»

Я думаю, что сегодняшнее издание Чечота — «перед жизнью», в преддверии своего праздника, который рано или поздно приходит на улицу каждого забытого таланта. И еще я думаю, что каждый прочитавший эту книгу захочет понять, увидеть автора не как далекого, влюбленного в поэзию поэта, а как человека — такого же, как вы и я.

Михась ТАЛОЧКА
г. Новаградок Гродненская область